

Стихотворения

Родился в 1969 году. Живет в городе Единцы (Молдова). Филолог. Выпускник педагогического института. Автор шести книг стихотворений: «Обретения» (2002), «Прогулка в ноябре» (2005), «Сверчок в радиоприёмнике» (2008), «Перед снегом» (2012), «Просто жизнь» (2017), «Спасительный каштан» (2022). Финалист и дипломант Международного поэтического конкурса имени Н. С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (2010). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Победитель Международного поэтического интернет-конкурса «Эмигрантская лира» в номинации «Неоставленная страна» (Бельгия, 2012/2013). Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

* * *

Бесснежный принял ты январь...
Ну, вот и жить тебе
с тоской старинной, словно ларь
в заброшенной избе,

с бессонным ветром, по дворам
гуляющим, как пёс,
с печальной мамой, по утрам
светящейся от слёз,

от снов, где всех, кто так любим,
она зовёт с крыльца,
с неясным, тонким, дорогим
присутствием отца

среди явлений и вещей
в натопленном доме.
Всё тише звон его ключей,
что отпирают тьму,

и всё светлей его ладонь,
прозрачнее лицо...
И зимний сумрачный огонь
берёт тебя в кольцо,

и ты горишь в горсти земной,
как в масле горклom нить,
живя любовью и тоской...
А чем ещё и жить?!

В автобусе

Я в небо смотрел – на закатную реку,
и жадный мой взгляд был подобен побегу
от этих пустынных холмов,
лениво за грязным стеклом проходящих,

от этих бесснежных полей полуспящих,
от этих печальных домов.

Я долго смотрел...
А река разливалась,
она молодела, она улыбалась,
горя под закатом иным...
Звезду разжигал человек молчаливый
у тучи, похожей на старую иву.
Я рядом безмолвствовал с ним

в предчувствии детском нетронутых далей...
И лодку на привязи волны качали...
Но вспыхнул в салоне тут свет!
– Смотри, не прохлопай свою остановку, –
качаясь в проходе с промасленным свёртком,
сказал мне дорожный сосед.

Я вышел,
и был всеобъемлющий ветер,
и было темно и беззвёздно на свете.
И шёл в полуяви домой,
родную дорогу едва узнавая,
как будто ещё не покинул я края
с горящей рекой молодой.

* * *

Ходит бедный человек среди ночей,
ходит жалкий, полупьяный, ничей.

Он на этих днях схоронил жену,
ему страшно в стылом пустом дому.

У него от горя горит нутро...
Он стучит в колодезное ведро,
словно в старый колокол, в темноте:
– Где жена моя, Вера где?!

Он трясёт калитки, зовёт жильцов,
за ветвями ищет в окне лицо,

а в ответ лишь лай да скулёж собак,
а в ответ глухой беспробудный мрак.

– Ну, налейте, люди, хотя б вина!
Всё горит во мне, и она –
моя Вера тоже во мне горит,
и болит душа моя, и болит!

Ходит ночью горестный человек.

Хоть бы, что ли, выпал тишайший снег,
убаюкал чтобы и укачал,
золотую песенку нашептал.

* * *

Бабушка умирает.
Вздвогнул свечи огонь –
бабушка подставляет
маленькую ладонь
снегу, в неверном свете
видному только ей,
снегу, что больше смерти,
выше,
нежней,
теплей.

* * *

Поля подступают к пустому окну,
большую седую неся тишину,
что смотрит на наше застолье.
Зима подступает – к добру иль беде.
И словно тяжёлая рябь на воде –
земли примороженной комья.

Креплёное пьём золотое вино,
болтаем и в паузах смотрим в окно –
за ним в чернозёмном просторе
далече сторожка кривая плывёт –

лодчонкою утлой который уж год
уходит в незримое море.

И скоро ненастные лягут снега.
Похмельная завтра нагрянет тоска,
но срок приближается крайний
поленницу ладить в сарае опять,
и время приходит и мне собирать
минувшего тёплые камни.

* * *

Всего лишь в полушаге мир иной –
жучиный, птичий, рыбий, травяной,
в неравное движенье погружённый,
в пуху, в хитине, в перьях, в чешуе,
в стихиях разных – воздухе, земле,
воде, до дна лучами осветлённой.

Спокойная разумная трава,
пронзённая стрижами синева,
и день пока что отличим от века...
Но свяжет всё в единый рай и ад
присутствие безмолвное и взгляд
присевшего на камень человека.

* * *

И запомнишь ведь, наверно, немного
(да надолго ли и памяти хватит?!).

Может, эту птицу, дорогу,
эту женщину в домашнем халате,

эту девочку, что в платьице белом,
эту радость, навестившую поздно...

Потому живи этим небом,
потому иди к этим звёздам

безоглядно и легко, бестревожно
в облаках, что пахнут сорной травойю.

Как дороги полевые, надёжны
все пути над опустевшей землёю.

* * *

Наши земляничные поляны,
кровь июльской вишни за щекою...
Прошлое – как ножичек карманный,
как «лимонка» с вынудой чекою.

Где спасёт, а где тебя погубит,
всё с тобой играет в чёт и нечет.
Полоснёт по сердцу, приголубит,
поцелует или покалечит.

В прошлом есть отрада и надсада.
Гости в белом или в чёрном гости,
золотое облако над садом,
плач отца на ветреном погосте.

* * *

Большая зима приходит к маленьким людям
с охапкой метелей, сутуля по-бабьи плечи,
с трещоткой мороза...
Они говорят: «Мы любим
тепло наших близких и жар раскалённых печек.
Окна обили плёнкой от стужи тёмной,
впрок напекли вчера золотого хлеба»...

Вровень зиме умерший и нерождённый,
дарит она им своё потайное небо,
цветущее, нежное...

Разговор

«Тяжко мне, и воды мои мутны,
яблоки водянисты в моих корзинах,
старый друг приходит из тишины,
руку жмёт – и веет холодной глиной».

А она в ответ:

«Мне во сне вчера
ласточки всё виделись на закате –
он был розов, будто сосны кора,
или как моё, если помнишь, платье.
Знаешь, и было мне так легко!
Птицы проносились под облаками,
тёплыми, как бабушкино молоко.
Птицы с обжигающими глазами!
Всё летали рядом, касались лба.
Было много ветра и много света»....

И в пару дыхания все слова
обретали вес и объём предметов,
и, светясь, позванивали в тишине.
И тогда я чувствовал, что едины
ласточки, пролетающие во сне,
паданцы золотистые из корзины.